

А. В. Семенов

ГОРНЫЕ СВАТИЛИЩА ТЫВЫ

На родовых горах тувинцев, священных скалах, стенах скальных навесов изображения эпохи бронзы, скифского времени, древнетюркского периода соседствуют с наскальными рисунками XVIII–XIX вв., периода становления тувинского этноса. Создавались изображения и в XX в., стиль и содержание наскальных изображений, способ их нанесения во многом сходны с древними.

Во время работ, проводившихся на территории Республики Тыва археологической экспедицией Института истории материальной культуры (ИИМК) РАН, нами были найдены и исследованы некоторые скальные навесы и гроты, идентифицированные как святилища. Таких мест — скальных навесов с рисунками — было зафиксировано несколько в различных районах Тывы: святилище близ пос. Чыргакы в урочище Шанчиг, навес в урочище Инигал на правом берегу Енисея и недавно обнаруженный грот на р. Чик в Кунгуртукском районе.

В Тыве и Саянском каньоне Енисея существует ряд объектов, обнаруженных в разное время и нашей, и другими экспедициями, которые также можно отнести к святилищам, многие из них почитаются и сейчас. Это святилища Бижикиг-Хая в долине реки Хемчик, Суме-Беш около пос. Чаа-Холь, скала около пос. Тээли, навес на останце Ямаалыг в Эрзинском кожууне, пещера на р. Куйлуг-Хем, правобережном притоке Енисея.

Во многих случаях скальные навесы и гроты служили укрытиями, временными местами обитания, что очень важно для кочевников, часто они играли роль святилищ и считались местами обитания духов гор. Такие навесы обычно находятся в труднодоступных местах: они скрыты, спрятаны от чужих глаз. Под навесами с рисунками, иногда рядом с ними, экспедицией были зафиксированы остатки жертвоприношений, культовых сооружений из камня (по-тувински — *оваа*). Во многих случаях они были действующими святилищами не только в древности, но и в этнографической действительности.

Подобный скальный навес был обследован экспедицией в 1995 г. на правом берегу Енисея в горах Инигал. Это место сложно найти: к нему ведут узкие горные тропы, и расположено оно в труднодоступном месте, у выхода горного распадка к высокому обрывистому берегу реки. Вдоль распадка располагаются высокие каменные курганы кыргызского облика (т. е. относящиеся к эпохе Средневековья). Интересно, что на вершине кургана, находящегося около святилища, лежит большое прямоугольное современное зеркало, перевернутое отражающей поверхностью вниз. Бронзовые зеркала были обязательным элементом скифских погребений, а в этнографической действительности это один из главных атрибутов шамана, зеркало в традиционных представлениях часто рассматривается как дверь в потустороннее.

Святилище представляет собой скальный навес, под которым на ровной каменной площадке сложено *оваа*. На деревянный шест — ось *оваа* — надет череп козла. Вокруг разбросаны кости жертвенных животных. Под карнизом навеса на отвесных скальных

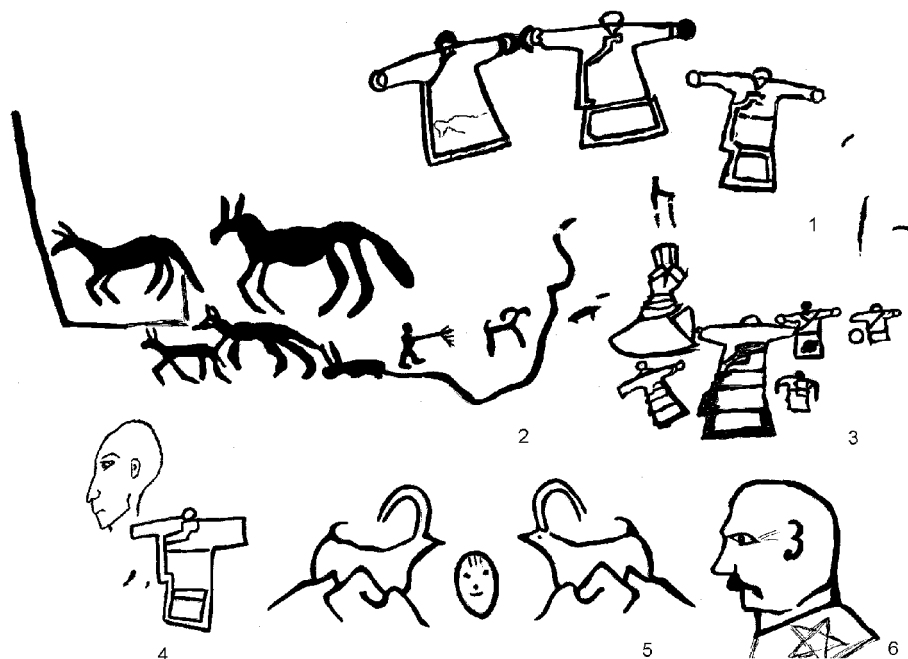


Рис. 1. Крашенные рисунки в святилище Инитал.

выходах красной охрой нанесены рисунки (рис. 1). Под скалами с рисунками, в неглубокой нише положены кости животных. Рисунки группируются в четыре скопления на отдельных выступах скал.

На скале № 1, обращенной изобразительной плоскостью на восток, сверху нарисованы существа в тувинских халатах-тон (рис. 1:1). Их восемь. Вместо головы и рук у них показаны круглые или полуокруглые выступы; ног нет. Руки раскинуты широко в стороны. Эти фигуры образуют как бы хоровод вокруг изображения, которое можно интерпретировать как изображение буддийского субургана (по-тувински — *сургэ*), только вместо языков пламени над ним нанесены охрой красные пятна. Этот рисунок представляет собой многоступенчатую пирамиду, которая сужается к центру, затем идет расширение, напоминающее домик с крышей, который воздвигается на сургэ. В то же время это изображение напоминает фигуру буддийского святого в молитвенной позе. Внизу скальной плоскости нанесена длинная извилистая линия, над которой справа налево изображена сцена охоты — козел и человек с ружьем. Далее слева направо показаны пять бегущих лошадей, изображенных натуралистично, с четырьмя ногами, длинным хвостом, двумя острыми ушами (их размеры около 25×15 см); такая манера изображения характерна для тувинских рисунков. Перед лошадьми подрисован другим цветом в более позднее время разомкнутый прямоугольник — возможно, загон. Фигуры нанесены темно-красной охрой.

На скале № 2, обращенной также на восток, изображены два бегущих навстречу друг другу козла. Изображения козлов (козерогов и архаров) встречаются в скифское время и становятся обычным сюжетом на писаницах тюркского времени, нередко они и в этнографической действительности. Манера, в которой они выполнены, напоминает таштыкские рисунки. Краска на них более темная, плотная, лежит в несколько сло-

ев. По-видимому, эти рисунки постоянно подновляются. Между ними краской другого цвета схематично нарисовано лицо. Краска более темного, коричневого оттенка. Возможно, здесь была другая фигура, которую уже преобразовали сравнительно недавно в человеческое лицо. Слева от козлов той же краской, что и первое лицо, очень натуралистично нарисован портрет Сталина с усами, характерными бровями и звездой на воротнике. Под ним уже в наше время охристым мелком намечена голова лошади.

В другом скоплении (№ 3), обращенном на юго-восток, также красной охрой нарисована фигура в тувинском халате-*тоне*, с кругом вместо головы. Слева от нее более темного оттенка охрой воспроизведен натуралистично и довольно профессионально профильный портрет человека с монголоидными чертами (по нашим предположениям, партийного деятеля Танну-Тувинской республики). Этот портрет сделан позднее фигур в *тонах*.

Безусловно, большой интерес представляют фигуры в тувинских халатах. У каждой из этих фигур показано, что левая пола запахивается на правую. Обычай запахивать одежду на левую сторону характерен уже для древних тюрков-тугу, что зафиксировано в китайских хрониках Тан-шу [1, с. 60]. Всего таких фигур 9, все они различаются проработкой деталей одежды.

Подобные скальные святилища подтверждают существование культа гор у тувинцев. Культ гор — универсальный маркер родовой территории и исторической памяти этнической группы [2, с. 58]. Этот культ тесно связан с родовыми верованиями, особенно с генеалогическими преданиями и мифами и обожествлением исторических личностей. Именно поэтому здесь не выглядят неуместными изображения политических деятелей, их власть и влияние, в глазах шаманиста, выступают проявлением сверхъестественной силы. Отметим, что портретные, реалистичные изображения выдающихся личностей, лидеров характерны и для древних тюрков — это каменные изваяния *кёжее*.

Культ гор ведет свое происхождение из глубокой древности и имеет непосредственную связь с образом Матери-Земли, прародительницы всех людей и всего сущего. Это проявилось прежде всего в почитании пещер (гrotто, навесов), которые, по поверьям, могут даровать потомство, являются местом обитания духов. В святилище Инитал знаком Матери-Прародительницы могут считаться антропоморфные существа в национальных костюмах [3, с. 232–238]. Изображения божеств в пышных одеяниях известны уже в эпоху бронзы, это так называемые «решетчатые» фигуры. Они всегда изображаются анфас с раскинутыми в стороны, а иногда поднятыми вверх руками. Одежда этих фигур проработана детально, а антропоморфные детали облика, такие как голова, кисти рук, ноги, изображаются схематично или отсутствуют. Исследователями петроглифов такие фигуры обычно интерпретируются как женщины, богини. Зачастую подобные изображения сопровождают животные и профильные мужские фигуры с фаллической символикой и луками/ружьями. В тувинском эпосе, шаманских песнях-*алгышах*, и сказках, дух-хозяин местности часто описывается как прекрасная, нарядно и необычно одетая женщина — хозяйка тайги. В легендах обычно подчеркивается красивая одежда хозяйки, ее белая юрта (символ богатства), множество скота (в легендах духи часто ведут традиционный для тувинцев образ жизни). Шаманы в молитвах-*алгышах* обращаются к хозяйке тайги, испрашивая хороший приплод скота и исцеление больных. Все это позволяет предположить, что на рисунках в святилище Инитал запечатлены образы божеств плодородия. Рассматриваемые антропоморфные изображения несут богатую семантическую нагрузку и свидетельствуют о существовании устойчивой архетипической модели, которая существует не только на Саяно-

Алтайском нагорье, но также представлена в традиционном и первобытном искусстве многих народов мира.

Еще одно скальное святилище было обнаружено нами в 1998 г. при обследовании писаницы Шанчиг в долине р. Чыргаки в Западной Тыве [4, с. 28–30]. На юго-восточном склоне скопления 1 на высоте около 100 м от уровня р. Чыргаки, в распадке, выходящем на реку, расположен небольшой скальный навес. Под козырьком сделана ровная площадка, с внешней стороны ограниченная невысокой каменной стенкой, сложенной из плоских плит. На отвесных скалах под козырьком выбиты изображения козлов. Над торцевом блоке козырька, обращенном на юг, выбиты две фигуры козлов, один из которых изображен ногами вверх. Такая бинарная композиция, по-видимому, подчеркивает сакральность данного места. Образ козла в индоевропейском мифе сочетается с фигурой громовержца, а также с божествами, так или иначе связанными с плодородием [5, с. 663–664]. Вокруг скального навеса нанесены фигуры оленей, выбитые в разных стилистических манерах — в скифо-сибирском стиле, таштыкском и схематичные (более поздние). Это же относится и к фигурам козлов под козырьком. Здесь есть и процарапанные фигурки козлов, нанесенные тувинцами в недалеком прошлом.

К концу эпохи бронзы относятся и рисунки в святилище Ямаалыг, обнаруженные сотрудниками Тувинской археологической экспедиции ИИМК РАН (Эрзинский район) [6, с. 198–205]. Здесь в полупустынном регионе, вдалеке от каких-либо источников воды, под навесом сохранились изображения быков, оленей и барана, сделанные охрой и гематитом. Рядом были найдены кремневые отщепы, нуклеусы и орудия, а также фрагменты керамики окуневского типа. Святилище на останце Ямаалыг возникло в эпоху бронзы, оно не почиталось тувинцами, там не было *оваа*, рисунки не подновлялись, однако техника нанесения рисунков, размещение святилища под скальным навесом соответствуют святилищам, до сих пор почитаемым тувинцами, и говорит о древних корнях этой традиции.

Труднодоступность подобных святилищ, их удаленность от человеческого жилья обуславливает то, что многие из них до сих пор не известны и не изучены исследователями. Некоторые, такие как грот на р. Чик, были обнаружены нами совсем недавно, в процессе археологических разведок. Этот грот расположен на востоке Тывы, в высокогорной долине, раньше принадлежавшей тувинцам-оленеводам (во всем Кунгуртукском районе осталось лишь несколько семей оленеводов). Около грота остались следы устраиваемого здесь когда-то жертвенника — *оваа*, на стенах сохранились сделанные охрой изображения, полустершиеся знаки.

Горные святилища почитались также буддистами, в нишах и неглубоких гротах часто хранятся буддийские книги и свитки; часто на стенах ниш и отдельных скалах бывают выбиты буддийские мантры. Почитается в Тыве священное место на горе Суме, около впадения р. Чаа-Холь в Улуг-Хем, где в XV в. была вырублена в скале ниша с барельефом Будды, двух его учеников, двух охранителей веры. Ниша носит название Чурумал-бурхангыг, сделана искусственно, изображения вырублены в технике барельефа и раскрашены. Вокруг ниши красной краской был нанесен орнамент в виде косой сетки. Чаа-Хольская ниша посещалась путешественниками и исследователями Центральной Азии еще в XIX в. Самые первые подробные описания этих памятников сохранились у А. В. Адрианова, организовавшего в 1881 г. первую научную экспедицию в Урянхайский край.

Бижиктиг-Хая находится в Барун-Хемчикском районе (Западная Тыва), в долине р. Хемчик, в 0,5 км к западу от пос. Бижиктиг-Хая. Бижиктиг-Хая в переводе означает «Писаная скала». Скальный массив вытянут с запада на восток, петроглифы нанесены

на плоскостях, обращенных на Ю-ЮЗ. Ее также обнаружил в 1881 г. А. В. Адрианов. Обследовали их финский исследователь Й. Гранё и А. Д. Грач (1957). Здесь на темно-зеленых и черных сланцевых породах, расслаивающихся на большие блоки, нанесены многочисленные выбитые изображения, наиболее древние из которых относятся к эпохе бронзы и скифского времени. На некотором возвышении от земли находится ниша, на потолке и стенах которой черной тушью написаны тибетские, китайские, уйгурские и монгольские буквы и нарисованы изображения. Здесь написана знаменитая тибетская мантра «Люцзы-даймин-чжоу», индо-буддийского происхождения, — «Ом мани падме хум», которое считается источником счастья, добродетели и ума. Указана и дата написания мантр — 28 апреля 1357 г. [7, с. 94]. Таким образом, перед нами памятник, свидетельствующий о проникновении в Туву буддизма еще в XIV в. Эта скала, широко известная в Тыве, почитается и сейчас, около нее есть *оваа*.

Некоторые места, обычно пещеры, такие как, как грот на Куйлуг-Хеме, стали святынями по причине нахождения в них мощей почитаемых покойников [с. 8, 1915]. В гроте, где нашей экспедицией проводились раскопки поселения людей каменного века, согласно сообщениям исследователей начала XX в., находились мощи некоего китайского монаха, а вход в грот был частично закрыт стеной. По рассказу одного из местных

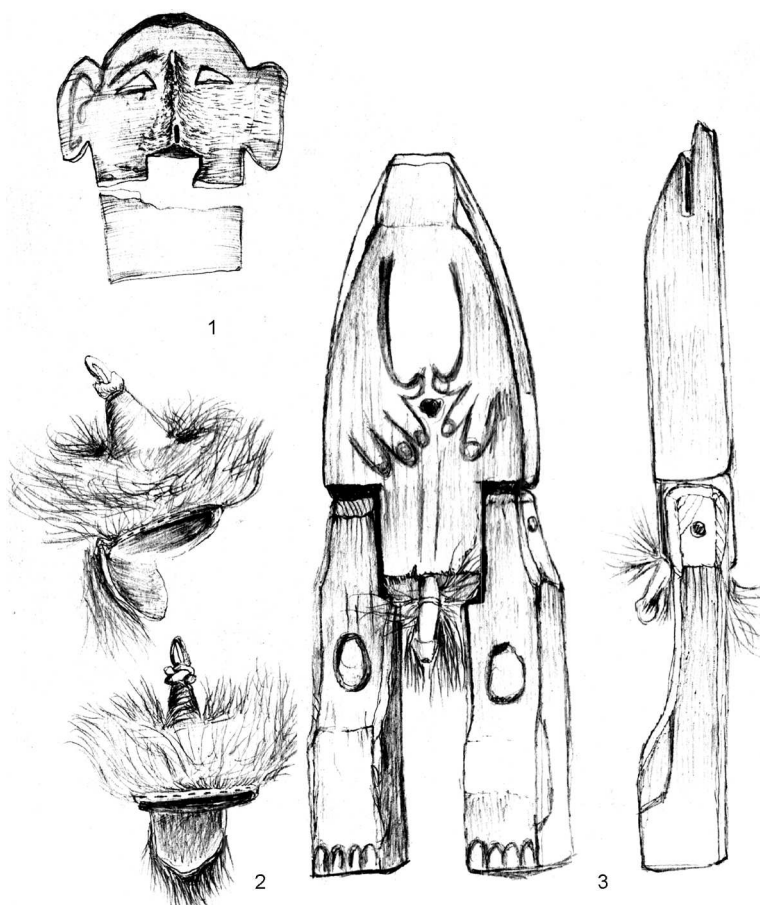


Рис. 2. Онгон из Куйлуг-Хемской пещеры.

чабанов, в пещере некогда жил знаменитый лама, чьи мощи хранились потом в пещере. Здесь были сложены предметы буддийского культа, хранились рукописи сутр. В наше время в пещере остались специально обтесанные каменные плиты — столы. В ней хранятся ритуальные предметы шаманского культа — лист бересты и лопатка марала, на которых чернилами сделаны изображения всадника, по стилю эти изображения очень близки к сделанным охрой рисункам из Инитала. Также здесь находятся ложечка для жертвоприношений *тос-карак*, и онгон — антропоморфная деревянная фигура духа-хозяина (рис. 2). Ноги онгона сделаны подвижными, чтобы он мог сидеть и стоять, отдельно прикрепляется сделанная из бересты голова, на ней — спитая из меха маленькая шапка; особенно проработан фаллос онгона. Местонахождение духа в пещере, которая связывается с женским чревом, фаллическая символика онгона, свидетельствуют о проникновении древних элементов семантики плодородия и Матери-Земли в верования современных тувинцев-шаманистов. Вещи из пещеры на Куйлуг-Хеме использовались по своему ритуальному назначению совсем недавно, сделавший их человек оставил на разрисованной лопатке марала дату — 1995 год.

Святынища, охарактеризованные мной, далеко не исчерпывают список подобных мест на территории Тывы. Многие из них наверняка еще не открыты, не известны исследователям, а те, что описаны, никогда не рассматривались в совокупности, как часть бытующего в Тыве шаманистского культа гор. Некоторые из скальных святынищ позволяют говорить о сохранявшейся в этнографической традиции тувинцев вплоть до наших дней практике нанесения наскальных рисунков. До сих пор неизвестны цели нанесения петроглифов, какие ритуальные действия сопровождают создание рисунков. Сюжеты, стиль и техника рисунков, собственно места их нанесения выдают глубокую генетическую связь тувинских традиционных представлений с культурой древних тюрков и даже с культурами индоевропейских народов бронзового века. По представлениям тувинцев, горы являются маркерами пространства мироздания, священными объектами, на это указывают каменные *оваа* на вершинах почти всех возвышенностей в Тыве, наскальные рисунки разных эпох, встречающиеся в горах Тывы повсеместно. Для того чтобы обращаться к духам-хозяевам гор, проводить особые, непредназначенные для чужих глаз ритуальные действия и использовались, по-видимому, эти труднодоступные небольшие храмы. Расположение святынищ под навесами скал, в гротах, говорит об эзотеричности совершавшихся там обрядов, возможно, что здесь проводились шаманские камлания, посвящаемые духам-эззи. Пещеры также нередко служили местами захоронений. Погребения в скальных нишах и трещинах практиковались и в XX в. Будучи связаны с подземным миром, они считались населенными опасными существами — злыми духами, демонами. Подобные святынища в горах Тывы — яркое свидетельство глубоких корней анимистических представлений тувинцев, форма сохранения древнейших культов в живой этнографической традиции.

Литература

1. Грач А. Д. Древне-тюркские изваяния Тувы. М.: Наука, 1961. 177 с.
2. Абаева Л. Л. Культ гор и буддизм в Бурятии. М.: Наука, 1992. 142 с.
3. Килуновская М. Е. Шаманистические мотивы в наскальном искусстве народов Саяно-Алтайского нагорья // Труды Международной конференции исследователей первобытного искусства. Т. 1. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1999. С. 232–238.
4. Килуновская М. Е., Миклашевич Е. А., Попов В. А., Семенов Вл. А. Петроглифы на реке Чыргакы (Западная Тува) // Вестник Сибирской ассоциации исследователей первобытных искусств (САИПИ). Вып. 1. Декабрь 1998. Кемерово: Кузбассвузиздат. С. 28–30.

5. *Топоров В. Н.* Козел // Мифы народов мира. Т.1. М.: Советская энциклопедия, 1999. С. 663–664.
6. *Килуновская М. Е.* Наскальные святилища Южной Тувы // Проблемы изучения наскальных изображений в СССР. М.: Наука, 1990. С. 198–205.
7. *Килуновская М. Е.* Бижиктиг-Хая // Сокровища культуры Тувы. М.: НИИ центр, 2006. С. 92–94.
8. *Минцлов С. Р.* Памятники древности в Урянхайском крае // Записки восточного отделения Русского археологического общества (Пг.). 1915. Т. XXIII.

Статья поступила в редакцию 27 мая 2010 г.